

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2011 – 1 (223)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2011**

Научно-информационный бюллетень
«Россия и мусульманский мир»

**Россия и мусульманский
мир № 1 / 2011**

«Агентство научных изданий»

2011

Россия и мусульманский мир № 1 / 2011 / «Агентство научных изданий», 2011 — (Научно-информационный бюллетень «Россия и мусульманский мир»)

В журнале публикуются научные материалы по текущим политическим, социальным и религиозным вопросам, касающимся взаимоотношений России и мировой исламской уммы, а также мусульманских стран.

, 2011

© Агентство научных изданий, 2011

Содержание

РОССИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ	6
САМЫЙ БОЛЬШОЙ В МИРЕ КАРЛИК	12
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭТНИЧЕСКОГО	17
ИММИГРАЦИЯ В МОСКВУ: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ	27
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЬЕ	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Россия и мусульманский мир №1

*КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – НЕТ!
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – ДА!*

РОССИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ (Анализ геополитических процессов)

О. Савченко, кандидат экономических наук

Одним из ключевых вопросов современного исторического процесса является вопрос о соотношении тенденций к распаду и интеграции различных государственных образований. В самом деле, на наших глазах на территории евразийского континента разворачивается захватывающее историческое действие – одномоментное, по историческим меркам, разрушение многонациональных государств и образование на их обломках наднациональной государственности нового вида – Европейского сообщества.

Распад СССР недолго оставался единичным феноменом. Вслед за ним в сопровождении кровавых всполохов рассыпалась Югославия, потом с достоинством интеллигентных супругов разошлись Чехия со Словакией. Странно было бы думать, что на этом все закончится. Очень скоро мы увидим на политической карте Балкан одинокую Сербию, покинутую Черногорией и Республикой Косово. Исчерпан ли на этом потенциал распада?

Многие эксперты, как в нашей стране, так и за рубежом, считают, что некроз политической ткани Российской Федерации продолжается и после распада советской империи. Северный Кавказ лишь частично контролируется центром, все большую политическую и экономическую самостоятельность приобретает мусульманский Татарстан, Дальневосточный регион ориентирован на Японию и Китай в большей степени, чем на Москву, Калининградская область ускоренно интегрируется в западноевропейское пространство. Грузия теряет Абхазию и Южную Осетию.

На фоне этого процесса распада государственных образований мы наблюдаем совершенно противоположную тенденцию – набирающий обороты процесс развития Евросоюза и НАТО. Выросший из незатейливого послевоенного таможенного Союза угля и стали Евросоюз постепенно превратился в наднациональную организацию со всеми атрибутами государственности: конституцией (Лиссабонский договор), президентом (председатель Европейского совета), парламентом (Европарламент), правительством (Еврокомиссия), судебной властью (Суд ЕС), единой денежной системой (евро) и в недалеком будущем – вооруженными силами. Причем процесс развивается не только вглубь, но и вширь. Збигнев Бжезинский замечает, что только в постсоветский период этот процесс вступает уже в третью фазу. Первая – варшавская фаза – была связана с непосредственными геостратегическими последствиями «холодной войны» и предусматривала быстрое принятие в НАТО Польши, Чехии и Венгрии; вторая – вильнюсская фаза – была связана с почти одновременным и географически совпадающим решением о расширении НАТО и Евросоюза за счет, соответственно, семи и десяти новых государств; следующий (киевский?) раунд может быть обращен дальше на восток, на Украину и, возможно, на Кавказ, а вероятно даже, в конечном счете, и на принятие в НАТО России.

Как же объяснить это одновременное развитие, казалось бы, взаимоисключающих тенденций к распаду и интеграции?

Для ответа на этот вопрос нам придется совершить небольшой экскурс в теорию цивилизаций. Среди мировых имен, развивших в своих работах эту теорию, можно назвать Макса Вебера, Фернана Броделя, Освальда Шпенглера и, конечно, Арнольда Тойнби, а из современных авторов – Самуэля Хантингтона, автора острой работы «Столкновение цивилизаций». Общий ход исторического процесса, согласно этим представлениям, выглядит как цепь, отдельные звенья которой представляют собой локальные образования – цивилизации, объединенные общим культурным ядром. Таким образом, цивилизации являются культурными единствами. Ценности, нормы, менталитет, религия, общее миропонимание – вот их основа.

Они могут содержать одно или несколько государственных или политических образований. Они могут обладать территориальной общностью или располагаться одновременно на нескольких континентах. Более того, в процессе своей жизни они могут мигрировать вместе с носителями их общей культуры, как это произошло в случае с Северной и Латинской Америкой. Цивилизационные общности являются долгоживущими системами и гораздо более устойчивыми по сравнению с любыми другими социально-политическими образованиями, например национальными государствами и уж тем более империями, особенно если последние включают в свой состав этнические элементы, принадлежащие к разным цивилизациям. Самюэль Хантингтон на основе анализа множества работ, посвященных этой теме, выделяет семь современных цивилизаций: китайскую, японскую, индуистскую, латиноамериканскую, исламскую, западную и православную. В рамках такого подхода многие современные геополитические процессы резко проявляются.

С позиции теории цивилизаций любая империя, включающая в свой состав элементы различных цивилизаций, рано или поздно рухнет. Очевидно, что разрыв имперских скрепов должен проходить по линиям цивилизационных границ. Именно это мы и наблюдаем на примере крушения Римской империи в Древнем мире, Османской и Австро-Венгерской империй в истории Нового времени и, наконец, развала СССР и Югославии в новейший период.

Ход распада СССР как исторического наследника Российской империи в этом смысле можно рассматривать в качестве хрестоматийного примера. В самом деле, вначале от СССР отходят прибалтийские народы – носители западной цивилизации, затем народы, относящиеся к цивилизации ислама, – Азербайджан, Узбекистан, Туркменистан, Киргизия, Казахстан. Сложнее с Украиной и Беларусью. Уже после отделения они долго продолжают оставаться сателлитами метрополии. Однако постепенно в Украине западная доминанта побеждает, происходит мучительная и болезненная самоидентификация страны как части Западной цивилизации. Вслед за чем последует и ее политическая переориентация. Что же касается Беларуси, то она демонстрирует яркий пример православной ментальности и, видимо, обречена неопределенно долго оставаться в зоне российского притяжения. Болезненный распад Югославии демонстрирует те же тенденции. От имперской православной Сербии последовательно отделяются католические Хорватия и Словения, затем исламские Босния и Косово. Черногория же, подобно Беларуси, продолжает оставаться в особых отношениях с прежней метрополией.

Практически одномоментное крушение многонациональных государств в конце XX столетия, разумеется, имеет свои конкретные социально-исторические причины. Российская империя начала складываться на рубеже XV–XVI вв., когда молодое московское централизованное государство направило свою экспансию на Восток, присоединив Казанское и Астраханское ханства и приступив к колонизации Сибири. Позже, в XVIII в., при великих государях Петре и Екатерине в состав империи были включены территории на северо-западе до Балтики и на юго-западе до Черного моря, в XIX в. был завоеван Северный Кавказ. При этом в составе империи оказались территории, принадлежащие западной и исламской цивилизациям. Основной питающей силой этой экспансии было быстрорастущее население. По уровню темпов роста населения Россия на протяжении веков опережала любую страну Западной Европы, за 200 лет (1750–1950) численность населения в границах нынешней РФ выросла в 9,7 раза, в Великобритании – в 7 раз, в Германии – в 5 раз, во Франции – в 3 раза. Именно это обстоятельство предопределяло на протяжении столетий возможность осуществления непрерывного миграционного потока из Европейской части страны на восток и юг. Постоянная экспансия как способ выброса вовне накапливающейся внутренней энергии – вот способ существования любой, в том числе и Российской империи.

Положение дел стало меняться в начале 70-х годов XX в., когда впервые произошел качественный перелом в направлении межреспубликанских миграционных потоков, в результате которого Россия из республики, отдающей население, превратилась в принимающую его. Наи-

большой вклад в «копилку» вносили Казахстан, Азербайджан, Узбекистан, другие республики Средней Азии. Этот миграционный поток носил характер возвратного движения русских. Уже тогда внимательный наблюдатель мог констатировать начало конца Российской империи.

Почему изменилось направление миграционных потоков? Можно назвать как минимум две причины. Одна связана с внутренними изменениями в центре империи, другая – с изменениями на колониальной периферии. В результате индустриализации 30–50-х годов и связанной с ней урбанизации большая часть населения Российской Федерации оказалась сосредоточенной в городах (в 1993 г. городское население составило 73 %). Причем этот процесс в основном охватил наиболее экономически развитые регионы, где сосредоточена основная масса населения православной культуры. Хорошо известно, что для города характерны коренные отличия демографического воспроизводства по сравнению с селом. Рождаемость урбанизированного населения резко падает, так что на повестку дня ставится задача простого воспроизводства. Если же на эти процессы накладывается системный кризис, выражающийся в деградации экономических и социальных институтов государства, который разразился в СССР в 80-е годы, демографические проблемы резко обостряются. Начинает расти смертность, сокращается средняя продолжительность жизни. Впервые отрицательные темпы прироста населения в Российской Федерации были зафиксированы в 1992 г., после чего продолжали быстро нарастать. Сокращение населения метрополии делает невозможным не только поддержание его постоянного притока в колонии, но и осуществление над ними эффективного военного контроля, поскольку снижение рождаемости влечет за собой неизбежное сокращение численности армии, ухудшение ее качественного состава.

Другая причина обратной миграции связана с развитием колониальных окраин. Рост экономики и образования приводит к формированию национальных элит и осознанию ими своей цивилизационной идентичности. Начинается процесс постепенного выдавливания «пришельцев из метрополии» с ключевых позиций в управлении, образовании, экономике. Мифу о формировании новой социальной общности «советский народ» приходит конец. Распад империи становится неизбежным. Разрушение Советского Союза произошло по линиям административных межреспубликанских границ. Можно ли считать этот процесс завершенным? Если последовательно придерживаться ранее изложенной логики, то ответ может быть скорее отрицательным, чем положительным. Во всяком случае, в отношении Российской Федерации и Украины.

На 1 января 2010 г. в Российской Федерации проживали 142,2 млн. человек. В 2007 г. был предан гласности ошеломляющий доклад, в котором говорилось, что численность населения России сокращается на 0,7–1,0 млн. ежегодно и через 50 лет может уменьшиться вдвое. При этом сокращение численности происходит в основном за счет русского этноса, тогда как население менее урбанизированных мусульманских регионов продолжает расти. В Центральном экономическом районе рождаемость составляет 1,5 ребенка на одну женщину, а в Дагестане – 2,9. Для простого воспроизводства этот показатель не должен быть меньше, чем 2,3 ребенка на одну женщину. Может ли это не сказаться на сохранении целостности государства?

Стремясь идеологически обосновать единство страны, власти делают попытку введения в политический обиход понятия «российская нация». Но может ли в принципе существовать такая нация, или это такая же мифологема, как «советский народ»? Попробуем ответить на этот вопрос, отвлекаясь от сиюминутной политической конъюнктуры, с позиций современной этнологии (культурной и социальной антропологии). Нас в первую очередь должен интересовать вопрос о связи понятий нации и этноса. Ведь совершенно очевидно, что мы живем в полиэтнической стране. Но может ли на основе многих этносов сформироваться единая нация, а на ее основе – устойчивое национальное государство? В принципе да, и история знает ряд подобных примеров. В Европе такими государствами являются Франция и, конечно же, Швейцария.

На стадии формирования французской нации в ее состав кроме французского этноса входили италоязычные корсиканцы, немецкоязычные эльзас-лотарингцы, бретонцы, баски. Но самый яркий образец полиэтнической нации – швейцарская. В ее состав входят члены по меньшей мере четырех этносов: германо-швейцарского, франко-швейцарского, итало-швейцарского и ретороманского. В процессе длительного развития эти этносы интегрировались в так называемые соционации, в основе которых лежит не принадлежность к единому этносу, как, например, в случае с Германией, а осознание их населением общих социально-экономических целей и морально-этических ценностей.

Однако тот же европейский и североамериканский исторический опыт дает нам и другие примеры, когда, казалось бы, состоявшиеся полиэтнические нации вдруг начинают разрушаться. Самый свежий пример – Бельгия. Раньше в Бельгии существовала только одна нация – бельгийская. Валлоны и фламандцы были лишь этносами. Сейчас они стали этнонациями. Идет процесс, который профессор Юрий Семенов удачно назвал «нациезацией этносов», что в конечном итоге может привести к национальному «разводу» и расщеплению полиэтнической страны. Во всяком случае, в течение двух последних лет Бельгия переживает острейший национально-политический кризис. Похожие проблемы испытывают Великобритания, столкнувшаяся с шотландским сепаратизмом; Испания, ведущая многолетнюю войну с басками; Канада, едва не проигравшая референдум по вопросу отделения провинции Квебек. Этот ряд можно закончить самым близким для нас примером, связанным с отделением от Грузии Абхазии и Южной Осетии.

Видимо, мы являемся свидетелями развития нового исторического процесса – ускорения нациезации этносов и образования на этой основе новых национальных государств. Фундаментальной причиной этого процесса, с нашей точки зрения, является глобализация, позволяющая отдельным этносам опираться в своем стремлении к национальному самоопределению на экономическую, информационную и политическую инфраструктуру современного мира. Стоит заметить, что все приведенные выше примеры нациезации этносов относятся к странам, включающим в свой состав этносы, принадлежащие к общей, в данном случае западной, цивилизации. Что же тогда говорить об устойчивости полиэтнических государств, объединяющих этносы «конфликтующих» цивилизаций?

Посмотрим теперь с этих позиций на перспективы выращивания «российской нации». Наиболее красноречивым показателем степени интеграции этносов в единую нацию является признание государственного языка, в данной ситуации русского, родным. По результатам переписи 1989 г. из 534 тыс. евреев 90,5 % считают русский родным языком, из 5,5 млн. татар – только 14,2, из 1,4 млн. башкир – 22,3, из 1 млн. чеченцев – 1,1, из 600 тыс. аварцев – 1,6 %. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, где в ближайшие годы будет происходить наиболее активное «строительство» новой российской нации. Чеченская война служит ярким подтверждением слабости нового мифа. Видимо, в среднесрочной исторической перспективе Россия с большой степенью вероятности потеряет Северный Кавказ, как она фактически потеряла Чечню, которую полностью покинуло русское население, а контроль за внутренними социально-экономическими процессами отдан на откуп одному из местных кланов. Менее очевидной выглядит перспектива выхода из состава России Татарстана как с учетом его географического положения, так и степени интегрированности его населения. Достаточно сказать, что 68 % татар живут за пределами своей республики. Здесь дело, скорее всего, ограничится дальнейшим расширением ее автономных прав.

Теперь о европейской интеграции. Действительно, происходящее на наших глазах объединение европейских стран захватывает своей новизной, особенно на фоне крушения советской империи. Происходит переход от отраслевого союза нескольких государств к полновесной протогосударственной структуре, имеющей фактически форму европейской конфедерации, включающей в свой состав 27 государств. Это несомненный результат экономической гло-

бализации, требующей увеличения емкости рынков и их скоординированного регулирования. Противоречит ли это цивилизационному подходу к анализу геополитических процессов? Нисколько.

Во-первых, большинство европейцев убеждено, что строительство Союза должно основываться на общем христианском наследии. Вот почему так долго оттягивается момент четкого обязательства открыть двери Евросоюза для мусульманской Турции.

Во-вторых, создание ЕС не отменяет национальных особенностей и противоречий между входящими в него государствами, в силу чего он может оказаться либо слабоинтегрированным, либо вообще недолговечным образованием.

Если говорить о конкретных тенденциях нарастания кризисных явлений в рамках Евросоюза, то в их основе, как это ни парадоксально, обнаруживаются все те же демографические причины. Урбанизация привела к абсолютному сокращению численности титульных наций в большинстве европейских стран. Это в свою очередь привело к нехватке рабочей силы для стабильно растущей экономики. Дефицит рабочей силы Старая Европа может компенсировать за счет двух источников – афро-азиатского окружения и новых «волонтеров» Евросоюза из Восточной Европы. Очевидно, что расширение Евросоюза на Восток во многом обусловлено интересом к рабочей силе постсоветских стран. Однако это краткосрочный источник. В течение ближайших десяти лет возможности миграционных потоков с востока на запад Европы исчерпают себя, поскольку демография Восточной Европы имеет те же тенденции, что и на Западе, а разница в уровне жизни нивелируется.

Остаются страны Северной Африки и Турция. Здесь уже сложились устойчивые антропопоток: из стран Магриба – во Францию и Италию, из Турции – на Балканы, в Германию и Голландию. Вся проблема в том, что мигранты из этих стран – носители иной цивилизационной культуры. События последних лет во Франции, связанные с острыми конфликтами между арабским иммигрантским меньшинством и коренным населением, со всей очевидностью показали, что дальнейшее увеличение мусульманской составляющей может не только привести к обострению межкультурных конфликтов, но поставить под угрозу сохранение национальной идентичности этой страны. Похожие проблемы возникают и в других странах Западной Европы, например, в Германии с ее обширной диаспорой выходцев из Турции. В Старой Европе становятся все слышнее голоса тех, кто выдвигает эту проблему на первый план. Наиболее ярким манифестом защитников национальной идентичности стала книга известной итальянской журналистки Орианы Фаллачи «Ярость и гордость». Предельно обостряя проблему столкновения культурных ценностей ислама и христианства, Фаллачи пишет: «Вопрос останется в силе, даже если Усама бен Ладен умрет или обратится в католичество. Ибо я не перестану повторять, что Усама бен Ладен и его последователи – это всего лишь современное выражение тенденции, на которую Запад по глупости или циничности закрывает глаза. Да придите в себя! В 1982 году я видела, как они разрушали католические храмы, сжигали распятия, марали образа, мочились на алтари, превращали часовни в отхожие места. Я видела их в Бейруте. Бейрут до их появления был таким счастливым, таким богатым, таким изысканным. Сегодня Бейрут – жалкая копия Дамаска или Исламабада». По мнению многих экспертов, все перечисленные тенденции неизбежно приведут к усилению разногласий между странами Евросоюза по вопросам миграционной политики и подрыву одного из ключевых оснований Евросоюза – общего рынка труда. Провал принятия Конституции Евросоюза и замена ее Лиссабонским договором являются очевидными примерами объективных ограничений интеграционных процессов в Европе. По мнению российского политолога С. Переслегина, являющегося выразителем крайнего евроскептицизма, превращение мусульман в голосующее большинство может заставить Францию покинуть Евросоюз к 2020 г., после чего из его состава выйдут Великобритания и Германия.

Все перечисленные противоречия создают объективные ограничения в области европейской интеграции. В основе этих ограничений лежат потребности в сохранении национальных идентичностей. Каковы же выводы?

1. На протяжении последних десятилетий происходит ускорение нациезации этносов и нарастание на этой основе неустойчивости полиэтнических государств.

2. Государственные структуры, включающие в свой состав крупные этносы, принадлежащие к разным цивилизациям, являются нежизнеспособными в масштабах значимых исторических периодов и неизбежно разрушаются.

3. Конкретными причинами распада СССР являются депопуляция коренного населения метрополии и стремление к цивилизационной и национальной самоидентификации населения союзных республик, происходящие на фоне крушения советской социально-экономической модели.

4. Глобализация современной экономики создает условия и потребность в развитии наднациональных координирующих организаций, вплоть до передачи им части суверенных прав входящих в них государств.

5. Наибольшей степени наднациональная интеграция достигает в рамках отдельных цивилизаций. Интеграционные процессы в рамках западной цивилизации привели к образованию достаточно устойчивого надгосударственного образования конфедеративного типа – Евросоюза, однако попытка включения в него Турции, принадлежащей к цивилизации ислама, может резко обострить его внутренние противоречия.

6. Наднациональная интеграция даже в рамках общей цивилизации имеет жесткие ограничения, задаваемые требованиями сохранения национальной идентичности как одной из ключевых социальных ценностей современного мира. Эти ограничения приводят к нарастанию внутренних конфликтов в процессе европейской интеграции и усилению евроскептицизма.

«Политика и бизнес в меняющемся мире», Обнинск, 2010, с. 6–14.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ В МИРЕ КАРЛИК (Какой видят современную Россию зарубежные СМИ)

Марина Павликова, доцент факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова

Цельная картина того, какой Россию видят в мире, может складываться, к примеру, из совокупности изученного, с тем чтобы в дальнейшем выявить характерные для журналистики, скажем, западного образца, особенности создания и тиражирования различных образов/стереотипов, медиаконтента разных стран. Так, например, на протяжении последних нескольких лет группа медиаисследователей факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова занимается прицельным изучением содержания зарубежных СМИ. В 2005 г. увидела свет книга «В мире других: Образы русских и европейцев в СМИ», в которой представлены варианты кросс-культурных исследований, посвященных проблеме формирования медиаобразов в Северной Европе и в России. Годом позже российские специалисты предприняли попытку выявить различия и общие черты в освещении российской действительности качественными газетами крупнейших и/или экономически развитых стран мира – США, Канады, Японии, Норвегии, Финляндии, Германии, Франции, Италии, Испании – в период 2006–2007 гг.

Полученные в итоге данные подтверждают выводы о том, что в сегодняшней журналистской практике, позволяющей конструировать глобальное и/или национальное медиапространство, широкое применение находит концепция «других» (бинарная оппозиция «мы – они» / «свои – чужие») в качестве модели для создания медиаобразов и информационных картин, а также имеется определенный набор дискурсивных практик. В основе этих практик лежит так называемый ориентализм журналистских репортажей, связанный с нехваткой соответствующего знания «контекста» и воспроизведением взглядов прошлых эпох. Если попытаться понять, следуя какой логике происходит тиражирование стереотипов о России в зарубежных СМИ, то мы увидим, что эта логика как раз и обусловлена журналистскими представлениями, которые выделяет шведский профессор Я. Экекранц:

1) «застывание» журналистских дискурсов: например, «холодная война», проблема ухода России с демократического пути развития, отсутствие свободы слова – лейтмотив, проходящий через многие материалы западных изданий;

2) наличие коллективной журналистской памяти: настоящее привязано к прошлому и будущему; постцаризм или посткоммунизм: говорят ли они об одном и том же; репортажи о России и из России такие же, как 70 лет назад;

3) постоянство геополитических интересов и интересов национальной безопасности как основа для журналистских текстов; журналистика близка интересам политических элит.

Практически образ России (как, впрочем, и образ любого другого «чужого» государства) в СМИ создается в первую очередь за счет отбора фактов, использования терминов, выбора темы для материала (причем у каждого журналиста в арсенале есть определенный список тем, которые он обычно освещает в отсутствие громких политических или экономических событий в России; эта тематическая выборка – грабеж, пьянство, нищета – в большинстве случаев не оставляет возможности для формирования положительного образа России за рубежом), а также способов построения фраз и заголовков. На настоящий момент в журналистской практике имеет место самая настоящая война терминов. Яркий тому пример: в российской и немецкой прессе мы имеем дело с чеченскими боевиками (bojewiki), в то время как во французской или американской – с чеченскими повстанцами (Chechen rebels) или чеченскими борцами за свободу (Chechen freedom fighters). Мир, как уже указывалось выше, также часто определяется в терминах противоположностей: частное – общественное, реалья – иллюзия, союзники –

враги. Так, например, в британской прессе мы наблюдаем принципиальную разницу в подходе к освещению событий, в которых участвует российское правительство и частные российские компании.

Если речь идет о действиях российского правительства в вопросах поставки нефти, газа, энергоресурсов, то мы имеем «нефтегазовую руку на изголодавшемся энергетическом горле Европы», «бандитскую экономику», «авторитарные замашки», в то время как действия определенных российских предпринимателей, особенно тех, кто имеет активный бизнес на территории Великобритании, оцениваются, как правило, позитивно. Стоит также отметить, что российское правительство и российская власть так же, как и частный российский бизнес, сильно персонифицируются: например, в статье в норвежской «Дагбладет» «Путин угрожает Европе ракетами»; мы находим отождествление Путина с царем в финских периодических изданиях, к примеру, в популярном общественно-политическом еженедельнике «Suomen kuvalehti»; очень позитивный образ канадского миллионера российского происхождения Алекса Шнайдера в канадских СМИ, который привел к тому, что положительное отношение СМИ распространяется и на других российских бизнесменов. Правда, последнее явление наблюдается далеко не везде – зачастую персонифицированный образ окрашен негативно.

О том, как иллюзии выдаются за рамки реалий и наоборот, могут свидетельствовать материалы западных СМИ о кризисе российско-грузинских отношений (2006) и действиях России в условиях грузино-осетинского вооруженного конфликта (2008). Чего стоит, к примеру, одно только уточнение «по непроверенным (!) сведениям, предоставленным грузинской стороной...», сделанное в материалах зарубежных изданий спустя неделю после начала боевых действий в Южной Осетии (такую вот информацию, не имеющую ничего общего с реальностью, не задумываясь, «глотал» обычный западный/ восточный читатель/зритель).

Комбинация «союзники – враги» зачастую видна в журналистском подходе при освещении событий, связанных с отношениями России с бывшими странами Варшавского договора (жесткие дискуссии о размещении элементов системы ПРО США на территории Польши и Чехии) и ближайшими соседями (особенно трения с бывшими советскими республиками – демонтаж памятника Советскому Солдату в Эстонии, «оранжевая революция» на Украине). Российская позиция (в первую очередь по защите своей государственности и в том числе границ) воспринимается ведущими западными изданиями, например, американской «Washington Post» и английской «Guardian», как противостояние политике США и Евросоюза.

Ярким примером застывания журналистского дискурса, а также влияния так называемой коллективной журналистской памяти, можно считать описание иностранными СМИ внешней политики России как империалистически настроенной державы: тиражирование этого стереотипа наблюдается в большинстве печатных изданий англосаксонского мира. Впрочем, не только там. Обратимся к цитате из интервью «Guardian» с главой российской дипломатической миссии в Лондоне Ю. Федотовым: «Такое впечатление, что практически из тех, кто пишет на эту тему (шантажирование Россией других стран доступом к энергоресурсам. – М. П.), никто не может удержаться от искушения взглянуть на нее через призму “холодной войны”. В результате одни говорят, что между нашими странами подул ледяной ветер, другие – что наступил ледниковый период».

Проанализируем также и недавние материалы, например, венгерскую «Magyar Nemzet», где журналисты ставят вопрос: «Почему Москва защищает Сталина?» (ответ: возможно, потому, что сталинизм продолжает существовать) или «Действительно ли закончилась “холодная война”?» Кстати, если перевести с венгерского на русский язык словосочетание «холодная война» (hideg harogu), используя другое, но равноценное значение прилагательного «hideg – холодный, морозный», то получится «морозная война», что придает особый колорит публикациям, способствующим распространению русофобских настроений в обществе.

Стоит процитировать выступление журналиста и аналитика Пала Э. Фехера из Братиславы, который делает вывод о том, что редакционная политика многих центральноевропейских СМИ по отношению к России укладывается в формулу устрашения, предложенную самими же СМИ центральноевропейских стран: «Русский карлик самый большой карлик в мире, даже больше американского гиганта».

На основе примеров, приведенных выше, нетрудно сделать вывод, что мнения западных авторитетных изданий о «путинской угрозе», «суверенной демократии», «ревизионистской России» зачастую являются определяющими в позициях журналистов стран Восточной Европы, о чем свидетельствует, например, антироссийский (до недавнего времени) курс упомянутой выше «Magyar Nemzet». Журналисты не только повторяют сами себя, на протяжении долгих лет они обыгрывают старый как мир образ «большого русского медведя» и демонстрируют свое видение мира глазами самых настоящих жертв коллективной памяти, наполненной в наше время различными штампами (например, статья «Путинизм с человеческим лицом» в общенациональной венгерской газете «Nepszabadsag» от 4 марта 2008 г.). В большинстве случаев в прессе отсутствуют сбалансированные материалы о России из России, что приводит к нивелированию важной роли соборов центральных и восточноевропейских СМИ, чья компетентность в идеале должна способствовать формированию в сознании обычного гражданина наиболее объективной картины происходящего и в соседней стране, и в мире в целом.

Несмотря на то что образ России в прессе разных стран представлен в различных ракурсах и появляется в разное время, можно выделить общий для большинства европейских государств период, когда Россия стала регулярно упоминаться в печати: конец XIX в. – 1930-е годы. Именно тогда стало возможным говорить о формировании образа России при помощи средств массовой информации. В позитивном плане полное единодушие по отношению к России, точнее – к Советскому Союзу, зарубежная печать выразила лишь один раз: положительный образ СССР в странах антифашистской коалиции наблюдался во время Второй мировой войны и победы СССР над фашистской Германией.

Говоря о центральноевропейском акценте в образе России за рубежом, мы, конечно же, должны отметить, что такой акцент существует. И понятно, что многое зависит как от социальной, так и от профессиональной позиции журналиста, стремящегося показать «не замысленную» Россию. Возьмем, к примеру, серию репортажей венгерского тележурналиста Я. Молнара на первом канале общенационального телевидения Венгрии в программе «Панорама» (осень 2009 г.). Нестандартный подход к выбору тем (жизнь сельского священника и жизнь подмосковной глубинки, политическая активность российской молодежи и военно-патриотические клубы, современная жизнь и быт ветеранов трех войн – Великой Отечественной, Афганской, чеченских кампаний) позволил в некоторой степени избежать того, чтобы в репортаже отразились стереотипное мышление и тот страх, которым окутано большинство обычных граждан разных стран: «Раньше мы путешествовали и по дальним регионам Советского Союза. Теперь боимся ездить куда-либо, поскольку наслышаны о преступности, нас беспокоит российская нестабильность, отсутствие законодательной базы...».

Понятно также, что СМИ так или иначе зависят от крупного монополистического капитала и/или от государства, хотя дискуссии о свободе слова и о роли журналистики не прекращаются в ходе любых международных конференций и круглых столов, в научных работах, публицистике и т.д. Принимая во внимание то, что мы теоретически можем иметь дело с независимыми СМИ, мы не можем, однако, не принять во внимание тот факт, что средства массовой информации сегодня зависят от предпочтений аудитории. Большинство СМИ вынуждено создавать тот образ, который будет прежде всего «продаваться». Будет востребованным на разных уровнях.

Складывая воедино все «зависимости», российские медиаисследователи приходят к мысли, что Россию в Европе и США (исходя из разного рода предпочтений: социального или другого заказа), пока видят так:

1. *Washington Post, USA Today*: образ России в целом вписывается в ту модель, которая сформировалась на рубеже XIX–XX вв. и с незначительными изменениями просуществовала в советскую эпоху, а сама Россия чаще воспринимается как «усеченный» вариант Российской империи или Советского Союза; Россия не является частью западного мира и не вписывается в задуманную США модель, она становится ближе к Западу, лишь решая стратегические задачи, которые соответствуют его интересам (переговоры по атомной проблеме с руководством Ирана и Северной Кореи). Материалы о России – сочетание новостной информации и стереотипов прошлого.

2. *Times, Guardian*: в формировании образа сыграла роль оппозиционная российская интеллигенция начала XX в., русских антимонархистов поддерживали английские писатели, публицисты. Россия сегодня – полноправный участник мировой политики и экономики, регулярно обсуждаются отношения с ближайшими соседями; принципиальная разница в подходе к освещению событий, в которых участвует российское правительство и частные российские компании; положительную оценку британских СМИ в основном заслуживают культурные и спортивные достижения отдельных россиян.

3. *Die Welt, WAZ*: шаблонный характер образов России – стереотипы переходят из номера в номер, проявляются в подборе тем, в содержании публикаций и фотографий. Хотя при этом журналисты сумели отказаться от «замыленного» стереотипа Путина и КГБ и перешли к понятиям «суверенная демократия» и «усиление государственной власти»; негативный образ русской женщины (*sterwa, egoistka*) в присутствии воспоминаний о СССР и загадочной русской душе; национальная особенность русских – пристрастие к алкоголю, при этом нигде не указывается, что сами немцы, по данным ВОЗ, в среднем употребляют больше спиртных напитков.

4. *Le Mond, Le Figaro*: агрессивность французской прессы по отношению к позиции России во время чеченской войны обсуждалась в России на государственном уровне. Газеты также подчеркивают возрастание ксенофобских настроений в отношении Грузии при попустительстве властей (2006); отмечается неуживчивость России с соседями: активно освещались российско-польские отношения (непризнание Россией вины за Катынь, запрет на импорт польского мяса, проблема Калининграда) (2006); сближение России с Востоком (Индия) – проявление русского упрямства и непредсказуемости. Французские газеты пользуются одними и теми же сообщениями из информагентств, не наблюдается желания изучить ту или иную проблему, вникнуть в ее суть. Россия для Франции, контакты с которой насчитывают уже не одно столетие, – *тэрра инкогнита*, чувствуются отголоски мемуаров маркиза де Кюстина, полные презрения к дикой и далекой от цивилизации России; потомки «новых русских» похоронили память о великой русской культуре.

5. *La Vanguardia, El Mundo* (молодое поколение прессы после падения режима Ф. Франко): Россия столь же антизападная, как и в советские времена, образ России, постепенно формирующийся у мировой общественности, может быть омрачен конфликтами со странами бывшего СССР и Западной Европы; интерес к «звездам» российского спорта.

6. *Helsingin Sanomat*: background: «В то время, когда русские студенты организовывали покушения на царей, финские студенты встречали их песнями и цветами». В России наблюдается «общеприятие олигархии»; пресса с удовольствием подхватывает разгоревшиеся по всей Европе дискуссии об отсутствии свободы слова в России; выбор тем, затрагивающих общественные вопросы, ограничен. При этом пресса демонстрирует настоящий интерес к русской культуре и литературе.

«Негативности» в негативный образ России за рубежом добавляет и опубликованное польской газетой «Gazeta Wyborcza» (июль 2009) растиражированное разными европейскими изданиями открытое письмо экс-лидеров стран Центральной и Восточной Европы Бараку Обаме. Основная мысль письма заключается в том, что надо быть строже с «ревизионистской» Россией и не делать ей «неправильных уступок» (перевод на русский предоставлен РИА «Новости»). Более 20 политиков и бывших лидеров стран Центральной и Восточной Европы призвали США внести коррективы в свою внешнюю политику и повторно «инвестировать в трансатлантические отношения», поскольку существует опасность, что «ползучее запугивание и лоббизм со стороны России приведут к фактической нейтрализации региона (Восточно– и Центрально-Европейского. – М. П.)». Вот такой вот застывший дискурс.

«Стратегия России», М., 2010, № 7, с. 37–42.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭТНИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ НАРОДОВ РОССИИ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Владимир Семёнов, кандидат политических наук (ПАГС им. П.А. Столыпина, г. Саратов)

В постсоветский период начинается этап активизации этнических чувств и развития этнического сознания народов России. Заметным показателем направленности этих процессов (во многом характерным и для представителей других этнических групп) является изменение массового сознания тюркских народов, проживающих в России. Саму перестройку многие представители тюркских этнических групп восприняли как «национальное освобождение», возможность приобретения государственного суверенитета. Под этим лозунгом национальные элиты развернули массовое движение за повышение статуса своих национальных республик и образований, за решение проблем с обязательным учетом «национального вопроса».

Представители тюркских народов, проживающих в России, констатируют, что внутри их этнических групп нарастают тревожные тенденции:

- уменьшение удельного веса людей, считающих родным язык своей нации, резкое ограничение сферы применения родного языка;
- низкие возможности для получения среднего специального и высшего образования на родном языке, серьезное сужение возможностей для национального воспитания на родном языке;
- значительное сокращение количества лиц, потребляющих ценности национальной культуры;
- снижение уровня развития национальных культур и количества национальных художественных произведений;
- существенное уменьшение удельного веса лиц, знающих и соблюдающих национальные обряды, обычаи и традиции;
- появление внутри этносов значительного количества лиц с национально-нигилизованным сознанием и др.

Сравнивая эти выводы идеологов тюркских национальных элит с процессами, происходящими в современном этническом сознании русских, можно отметить, что и славянские, и тюркские народы вовлечены в процессы этнического распада. При этом главной причиной самораспада наций объявляется не какой-нибудь внутренний фактор, а внешний – виноватыми во всех бедах считаются «чужие» нации: для русских это «южные» («кавказцы», «тюрки», др.) и «западные» (американцы, евреи, др.) этнические группы; для тюркских народов (особенно для этнических элит) часто это сами русские. Характерно, что нерусские народы в своем большинстве не испытывают комплекса «поражения от Запада» и не рассматривают «Запад» как врага. Для них разрушение Советского Союза стало поражением России и русских (все время стоящих как бы «над ними») и возможностью строить самостоятельно новую жизнь своей нации. Если что-то не получается в строительстве национального государства, то срабатывает стереотип массового сознания – «виноваты русские».

В отличие от русских многие «малые народы» увлеклись этнической историей, заинтересовались своим культурно-историческим наследием. Созданы мощные идейные течения, получившие в работах некоторых западных исследователей название «мирасизм» (от «мирас» – наследие). Новая, «подлинная» история своего народа часто открывается как «столетия борьбы за свободу» против русского государства (у официальных идеологов) или против «русских в

целом» (у националистов). Характерными являются слова современного татарского философа Рафаэля Хакима: «За более чем четыре столетия угнетения, направленного не просто на эксплуатацию нации, но и на ее ассимиляцию и даже на физическое уничтожение, татары выстояли, выжили и полны сил стать составной частью мировой цивилизации». Он же задает вопрос: «Чего татары ждут от России, от той России, которая вызывала страх, была источником унижения, угнетения нации? Татарам не нужно преимуществ, не нужно привилегий. Достаточно свободы и равноправия...» Понимают ли такую постановку вопроса русские? Вряд ли. Многие русские уверены в том, что русский народ «вывел» из «доисторической тьмы» многие народы, проживающие в России, на «свет цивилизации», «подарил» им свои технические достижения и благоденствие, язык, культуру и многое другое. Попытки «пересмотреть историю народов России», сделать систему образования, культуры, СМИ, весь государственный аппарат «многонациональными», изменить статус русского языка как единственного государствообразующего языка и многое другое (инициаторами чего настойчиво выступают, например, татарские общественные организации) у русских вызывают устойчивое чувство неприятия и отторжения. Вокруг этих маркеров в постсоветское время происходит этническая консолидация как тюркских, с одной стороны, так и славянских народов – с другой.

Большинство представителей нерусских народов России ощущают свою этническую консолидацию гораздо в большей степени, чем сами русские. Об этом свидетельствуют данные социологических опросов. При ответе на вопрос: «Что вам дает чувство уверенности в завтрашнем дне?», первое место в ранговом ряду среди «факторов уверенности» у титульных этносов занял ответ: «Поддержка семьи, родственников, друзей». У русских же на первом месте – «способность заработать» (Татарстан) и «ничего не дает» (Якутия и Тува), что свидетельствует о пессимистическом настрое.

Известный конфликтолог Д. Горовиц, изучая в начале 1990-х годов российскую действительность и опираясь на международный опыт, прогнозировал развитие межгрупповых конфликтов в республиках, находящихся в противостоянии с федеральным центром, в частности в Татарстане, в 1993–1994 гг. Действительно, в конце 1980-х – начале 1990-х годов татарская элита на идеологическом и политическом уровнях вела борьбу за новый статус республики: сначала за статус союзной республики, потом ближайшей аналогией статуса стал рассматриваться Пуэрто-Рико, находящийся в ассоциированных отношениях с США. Якутская элита, создав свои национальные организации, вела этническую мобилизацию вокруг идей особого права на доступ к ресурсам, за приоритет в культурно-информационном пространстве. В Туве такого уровня идеологического прессинга, как в первых двух республиках, не было, но идеологи ставили под вопрос легитимность вступления Республики в СССР в Российскую Федерацию. В Башкортостане идеологическая мобилизация шла вокруг прав на статус союзной республики и затем – республики с особыми правами.

Особенно многочисленными были митинги в Татарстане – 5 тыс., 10 тыс., 15 тыс., даже 50 тыс. человек, причем в составе митингующих особенно выделялись крайние националисты не только с антироссийскими, но и с антирусскими лозунгами. Хотя официальное правительство сдерживало крайний экстремизм и большинство понимало, что радикальных националистов немного (по опросам, за ними не более 2–4 %), все же свыше 35 % русских и 25 % татар в 1991 г. оценивали отношения как «очень напряженные», а свыше половины и тех и других чувствовали, что «напряжение ощущается». В 1994 г. напряженность резко снизилась – ее ощущали 8 % татар и 15 % русских, однако отметим, что русские в 1,5–2 раза чаще ощущают ситуацию в Татарстане как «напряженную» (в ряде других регионов, например в Саха (Якутии) и Туве, русские ощущают напряженность в 2,5–3,5 раза выше, чем коренные народы).

Около 40 % русских и татар в Татарстане (данные на 1997 г.) встречались с отрицательными явлениями в межнациональных отношениях. Среди тех, кто с ними сталкивался, большинство русских (свыше 60 %) видело их «в назначениях на руководящую должность по

национальному признаку»; 35 % встречались с противоречиями «в быту, торговле, в сфере обслуживания»; 20 % ощущают «отсутствие или недостаточное участие русских в органах власти». Среди татар наибольшее неудовольствие вызывает «отрицательное отношение к татарам», «неприятные высказывания о них» (около 35 %); у 30 % – «неуважение к обычаям, традициям, нежелание учить и использовать татарский язык», у 20 % – назначение на должности по национальному признаку и противоречия бытового характера в торговле, обслуживании.

Серьезно разделяют этнические общности представления о значимости сохранения и возрождения культуры. У татар возрождение и развитие культуры приобретают этнополитическое значение восстановления достоинства, равенства. Не случайно за этой ценностью, стоящей на третьем месте, на четвертом идет «укрепление самостоятельности республики», по сути, приобретающая политическую ценность. У русских этой политической ценностью является «представительство их интересов» в органах власти.

Открытость в дружественном и семейном общении у татар и русских в Татарстане является не меньшей и даже чуть большей, чем у русских и осетин в Северной Осетии – Алании, и заметно больше, чем в Туве между тувинцами и русскими. (Открыты для дружбы около 60 % татар и свыше 70 % русских, готовы соседствовать соответственно 70 и 80 %. В Туве к дружбе с людьми иной национальности были готовы меньше 40 % тувинцев и 35 % русских, а быть соседями – соответственно около 60 %.) Таким образом, следует отметить, что в Татарстане – республике с наибольшими правами по договору, лидере тюркоязычных народов России – психологическая дистанция между титульной национальностью и русскими установилась в меньшей степени по сравнению с другими республиками. Соответственно и межнациональные отношения с середины 1990-х годов оценивались в Татарстане наиболее благоприятно.

На ситуацию в полиэтнических республиках при нарастании противоречий с Центром сразу начинают влиять две противоположные тенденции: с одной стороны, в массовом общественном мнении недовольство Центром переносится на местное русское население; с другой – официальное руководство республики, околоправительственная элита стремятся сплотить контактирующие этнические общности для противостояния Центру. Складывающиеся в республиках авторитарные политические режимы имеют большие возможности для развития этнонациональных отношений и в ту и в другую сторону. Гибкая (а по мнению многих русских – «предательская» и «продажная») позиция уступок федерального правительства национальным элитам в 1990-е годы (особенно в начале – «берите суверенитета, сколько сможете!») дала возможность прекратить развитие межэтнических конфликтов по карабахскому или югославскому вариантам (за исключением Чечни, ставшей примером возможной судьбы нашего государства при неправильной оценке этнических факторов) и стабилизировать отношения между народами, входящими в Российскую Федерацию. Однако, как долго народы и национальные элиты готовы поддерживать сложившуюся систему отношений?

Мы видим серьезные попытки изменить равновесие. Лидеры Татарстана в конце 1990-х годов заявили о необходимости и готовности перейти на латинский алфавит, тем самым четко дав понять и Москве, и своему народу новую цель движения тюркских народов России – Турция, а вместе с ней и вхождение в «свой» исламский мир. Русские поняли это движение как начало «ухода татар “из-под Москвы” и из России». Характерно, что идеологи перехода на «латиницу» не придают значения аргументам о «неизбежности языкового раскола на татар Татарстана и татар регионов», о «предстоящем забвении татарской литературы XX в., основанной на кириллице», и т.д. За их решимостью стоит уверенность в необходимости создания новой этничности татар XXI в. – пантюркского суперэтнуса. Отметим как интенцию современного сознания части татар то, что с развитием реформ на постсоветском пространстве они все более стали ощущать себя «северным форпостом» мусульманского мира и тюркской цивилизации. Наиболее крайние идеологи национального движения заявляют о необходимости «не

только превратить Татарстан в государство, служащее интересам всего татарского народа, но и создать в Евразии экстерриториальное национальное управление татарской нации в лице Национального собрания (Милли Меджлиса)». Стержнем предстоящего процесса тюркского объединения на построссийском пространстве ряд идеологов и организаций («Туган тел», «Азатлык» и др.) видят воссоздание союза татарского и башкирского народов.

В 2000-е годы Кремль стал проводить более жесткую политику по отношению к регионам и в ответ на «татарский маневр» провозгласил «усиление вертикали власти», а затем «обязательность использования кириллического алфавита во всех регионах». Каким образом можно усилить «вертикаль» в суверенной национальной республике и как к этому отнесутся власть и население этой республики – покажет время. Возможно, Кремлю придется опять отступить, чтобы вновь в обмен на уступки сохранить стабильность, опасаясь расщепления России надвое «исламской дугой» Турция – Татарстан. Решающим может оказаться и мнение русского народа. Будет ли он уступать и дальше (в том числе роль государствообразующей нации), устраивает ли его роль «новых бедных» в собственной стране или русские все же выдвинут какие-то свои этнические требования?

«Евразийские татары» предлагают для предотвращения меж-этнических конфликтов создать Волжскую республику – Идель-Урал, где по типу Швейцарии государствообразующие нации будут полностью уравнены в правах. Происходящие среди татар процессы с точки зрения западной этнологии и политологии исследовал французский политолог Жан-Робер Равио, который сформулировал главную проблему в форме двух вопросов:

1) имеем ли мы в Татарстане «нацию, стремящуюся стать государством», или «государство, намеренное стать нацией»?

2) возможно ли превращение Татарстана в государство без предварительного формирования в республике «нации»?

По мнению Равио, правящая элита Татарстана выбрала путь конструирования «нации», базирующейся на общности экономических и социальных интересов. Представитель Института истории Академии наук Татарстана Д. Исхаков в ответ выдвинул тезис о существовании в Татарстане двух национальных общностей – «татарской» («этнической» как этнокультурного единства) и «татарстанской» («политической» как территориального экономико-социального сообщества), а также о том, что для дальнейшего развития Татарстана необходимо «подлинное» возрождение и развитие этнической культуры, причем этническая татарская культура не может возрождаться в «узких рамках русско-православной Евразии».

Именно с активизацией этничности представителей ряда российских народов, в частности – татарского и башкирского, связана причина громких протестов относительно отсутствия графы «национальность» (пресловутого «пятого пункта») в российских паспортах нового образца. Ценность этнического происхождения в сознании ряда народов России заметно превышает значимость общегражданской идентичности.

В то же время получили развитие процессы этнообразований внутри развивающихся национальностей. Например, среди татарского народа активизировались так называемые «булгаристы», среди которых немало энтузиастов, получивших через суд новые паспорта с записью новой национальности – «булгарин». В Сибири существует движение, стремящееся объявить сибирских татар самостоятельным народом и создать собственную республику. В Казани усилилось движение за объявление крещеных татар самостоятельным народом – кряшенами. Часть астраханских татар записалась ногайцами. Представители татарских элит объявляют эти процессы «искусственными», провоцируемыми «определенными силами» внутри самой России (подразумевая «великодержавное государство»).

Чувашское национальное движение возникло в начале 1990-х годов. Для многих его активистов – националистически настроенных представителей интеллигенции – главным фокусом деятельности и обоснования политических взглядов и позиций, основным стержнем

в поиске национальной идеи как идеологической доктрины движения стала религия. В дискуссиях о роли собственно чувашской дохристианской народной веры как фактора этнической консолидации и основы роста национального самосознания в ходе развития движения обнаружились большие разногласия. На начальном этапе идеологических исканий и конкретных действий интеллигенции тождественность дохристианской народной религиозности перспективам развития нации, строительству суверенного государства и его идеологии практически не подвергалась сомнениям. Конфессиональное и этническое чувашское самосознание трактовалось как равнозначные понятия – по аналогии и одновременно с их противопоставлением тождественным и нерасчлененным понятиям «русский» – «православный» в национальных российских патриотических доктринах. Христианство ассоциировалось с русской, «колонизаторской» религией; в исламе усматривалась опасность полной ассимиляции с татарами. Единственным выходом для этнонациональной консолидации чувашей стало обращение к своей традиционной вере. Киреметь по замыслу основных организаторов – и символически, и буквально – должна была стать храмом чувашской религии и центром духовного развития нации.

В поисках смысла и сути чувашской духовности, ее настоящих реалий чувашские ученые, публицисты, краеведы вновь обратились к своему историческому наследию, религии и мифологии, заново переосмысливая их в аспектах, альтернативных устоявшимся концепциям. Стали воссоздаваться в памяти национальные боги и герои, восстанавливаться забытые имена выдающихся чувашских деятелей, преданных не только своему народу, но и истинной чувашской вере.

Прослеживая в чувашской религиозности этнические, нравственные принципы жизни, основу, формирующую национальный характер, психологию и стереотипы мышления, исследователи в очередной раз вернулись к киремети, которая в современном сознании стала символом непокорности, свободолюбия, бунтарства, независимости. Так, в очерке Ю. Яковлева о деятельности И.Н. Юркина – известного писателя, этнографа и активиста раннего чувашского национализма, открыто выражавшего идеи создания суверенного государства, – «магия и культ киреметя» сопоставляются со «свободолюбивым духом чувашской веры», «близким нищестанству, пониманию жизни как волевого усилия», и связываются с формированием национального характера, «протии-воположного скромности и чувству меры». Как символ чувашского мироздания киреметь отождествляется с философией нации – «чувашской идеей» и принципами жизни народа, подвергавшимися разрушению на протяжении долгого времени.

Выражение чувашской духовности часто понимается как освобождение «живого духа нации от искусственных препятствий» и его развитие в формах чувашской древней религии и мифологии, соответствующих современному контексту. Еще одним примером такого подхода являются рассуждения И. Дмитриева – современного театрального критика и режиссера. В период с 1992 по 1995 г. – пик деятельности Чувашского национального конгресса (ЧНК), он находился в эпицентре дискуссий по проблемам воссоздания народной религии, полемизируя в открытом эфире с представителями РПЦ. Его подход заключается в признании необходимости создания канонов религии на основе детального изучения обрядовой жизни. Национальную религию и дух он определяет как «чувашское дело», находящееся в противоречии с «государственным делом». Дело «сохранения нации» состоит в развитии духа и его влиянии на все сферы жизни. Свой пессимистический прогноз о будущем чувашской нации в период спада национального движения в 1999 г. он связывал с отсутствием у народа осознания ценности своей религии, утратой духовного единства – «потерей духа в христианский и советский период», «изменой» чувашскому богу Торе. И. Дмитриев считает несообразным проводить реконструированные обряды, вносящие дисгармонию в народную жизнь, и видит выход в постижении сути неистраченной духовности в ее соотношении с современными реалиями.

При всем стремлении к обоснованию своей уникальности и самобытности этническая чувашская мысль в силу своих исторических факторов формируется по аналогии со славян-

скими исканиями духовности нации в православной религии. Объяснение можно найти, в частности, в том факте, что первое поколение чувашской этнической интеллигенции было воспитано в традициях христианского просвещения. Киреметь вряд ли станет храмом чувашской национальной религии в условиях набирающей силу и влияние РПЦ. Вместе с тем в современном чувашском народном мировоззрении, в артикуляции национального самосознания киреметь остается серьезным символом. Аналогично тому, как народная ментальность передается в новом и уже широко распространенном чувашском слове «чавашлах» («чувашскость»), слово «киреметь» сегодня концентрирует и выражает народный дух в произведениях национальной литературы и искусства, пробуждает интерес к древности у склонной к мистификации молодежи, способствует распространению информации о религии и мифологии через систему образования и массмедиа. Символ священного дерева перешел со страниц научных и популярных изданий в современное сознание, а из народного орнаментального творчества – в чувашскую национальную символику – Флаг и Герб.

Сакральное пространство действия символов сегодня намного сильнее физического. В представлении национальных идеологов постоянство символов заключено в их противоречии: с одной стороны, как знаков, олицетворяющих традицию, постоянство, прошлое и неизменное; с другой – как отрицание старого – режима, социального устройства и установления нового порядка, нормы, идеологии и национальной доктрины. Гибкость символов, приспособляемость и адаптация разных религиозных и идеологических направлений, таких как ислам, православие, атеизм или новые религиозные течения, являются подтверждением не только универсальности, но и способности реагировать на происходящие процессы и изменения социальной сферы.

Необходимо сказать и о народах, постепенно теряющих этническую идентичность, возможность в рамках своего этноса адекватно ощутить и понять вызовы современности. В первую очередь это относится к малым народам Севера. Весь XX в. продолжалось размывание границ этнического сознания тунгусов, якутов, эвенков, долган, ненцев, нганасан. Исчезали традиции, этническая культура. Потеря народами Севера идентичности стала одной из главных причин тотального распространения пьянства. Средняя продолжительность жизни северян упала до 34-х лет.

Об угрозе потери этнической идентичности, о возможности в скором времени «растворения» мордвы среди других народов говорят представители мордовского народа. Ситуация в самом деле достаточно сложная: из поволжских народов только мордва подвержена таким интенсивным процессам ассимиляции. У разбросанного по 45 регионам России народа – от Калининградской области и до острова Сахалин – в значительной мере ослабевают процессы консолидации и усиливаются деструктивные настроения относительно этнических перспектив. Особенно это заметно у мордвы, проживающей за пределами Мордовии. Во многих регионах Поволжья мордва, коренное население этих территорий, ныне составляет довольно незначительные этнические группы: в Ульяновской области – 61,1 тыс. человек, в Нижегородской – 36,7 тыс. человек, в Башкортостане – 31,9 тыс., в Татарстане – 28,9 тыс., в Саратовской области – 23,4 тыс., в Чувашии – 18,7 тыс. Представители национально-культурных организаций отмечают, что мордовский язык фактически находится на грани исчезновения. Число говорящих на нем с каждым годом уменьшается. Так, во время переписи 1989 г. 30 % мордвы родным языком назвали русский, процесс утраты родного языка устойчиво продолжается и сейчас. Среди значительной части мордвы бытует мнение, что с помощью эрзянского и мокшанского языков невозможно пользоваться плодами мировой цивилизации и эти языки рано или поздно исчезнут.

Похожие процессы наблюдаются в среде проживающих в России украинцев, белорусов, немцев, евреев. Они стремятся слиться с нацией, более мощной с их точки зрения, способной эффективно реагировать на изменения действительности и этнические вызовы, поэтому

представители этих народов либо уезжают на историческую родину, либо ассимилируются с русскими.

Этническое многообразие на территории Северного Кавказа – давняя особенность этого региона, здесь живут и взаимодействуют около 100 самобытных народов, говорящих на 90 языках. Основными группами являются: дагестанская (аварцы, агулы, даргинцы, лакцы, лезгины, рутульцы, табасаранцы, цахуры – всего 30 этнических групп); вайнахская (чеченцы и ингуши); тюркская (азербайджанцы, балкарцы, карачаевцы, ногайцы, татары, турки, туркмены); абхазо-адыгейская (абазины, адыгейцы, кабардинцы, черкесы); иранская (осетины, таты, горские евреи, греки, корейцы, цыгане). В постсоветское время именно здесь с наибольшей силой проявились новые интенции этнического сознания, что привело к резкой активизации межэтнических противоречий и открытым конфликтам. По целому ряду объективных и субъективных причин местом наибольшей напряженности в России стала и продолжает оставаться Чечня.

Чеченцы в настоящее время находятся на таком этапе своего исторического развития, когда высокая энергетика этноса ведет к этнической экспансии. Зачастую, при столкновении с традиционными ценностями других этнических групп, именно чеченцы становятся инициаторами изменения сложившихся этнических структур и способов их взаимодействия. Для части чеченцев доминирующей социальной чертой является повышенная конфликтность, агрессивность к внешнему окружению. В этих условиях тяга к столкновениям, силовому преодолению препятствий при решении повседневных проблем этнического самоутверждения становится непреодолимой. В итоге Чечня стала средоточием всех антирусских настроений и движений на Северном Кавказе, своеобразным центром идеологической, организационной, экономической поддержки всевозможных попыток сепаратизма, политических стремлений переложить экономическое бремя кризиса на центральное руководство, на Россию, на русский народ в целом.

На «вызов Кавказа» активизацией мобилизационной готовности и этнической консолидации ответило лишь современное казачество. Это практически единственное движение, построенное на национальном признаке в русскоязычных субъектах Северного Кавказа (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область), преследующее политические цели. Идея «возрождения казачества» перестала быть абстракцией массового сознания и превратилась в солидную попытку начала деятельности сил, претендующих на изменение этнополитической ситуации на Северном Кавказе и в России в целом. Идеология казачества, сочетающая идеи национал-патриотизма, славянского возрождения, общинного самоуправления, особого казачьего этноцентризма, способна консолидировать казачество, которое уже заявило о себе как о самостоятельном (отличном от русского) этносе. В то же время начались процессы внутреннего разделения и внутри казаков: на «белых» и «красных», между атаманскими правлениями и окружными атаманами, между Москвой и атаманами на местах.

Следует отметить взаимную неприязнь казачества и национальных движений Северного Кавказа. Казачество проявляет негативное отношение практически ко всем официальным политическим руководителям и лидерам национальных движений, политическим устремлениям нерусских народов. Неоднозначность политических установок казачества может быть объяснена синкретизмом их этнического самоопределения: с одной стороны, они идентифицируют себя с русскоязычным населением, с другой – твердо уверены в своей этнической специфике. Однако в современных условиях, при этнической пассивности основной массы русского населения, казачество все более становится общерусским и общеславянским феноменом как этнического и культурного, так и политического характера.

Другая линия возникновения разделяющих маркеров в массовом сознании народов Северного Кавказа связана с существованием республик, биполярных в этническом отношении. В сообществе с устойчивым обилием этнических интересов развитие поляризации этнических чувств и сознания затруднено, сложно свести все многообразие интересов к двум противоположным позициям. Наличие в республике двух титульных народностей создает воз-

возможности для развития этнического противостояния, которое доводило до военных столкновений в Северной Осетии и Ингушетии. В Кабардино-Балкарии, где проживает 49 народностей, основные проблемы, угрожающие единству республики, возникают между кабардинцами и балкарцами. Конфликтная напряженность здесь обусловлена борьбой основных этносов за политическое лидерство. Во многом аналогичная ситуация складывается в Карачаево-Черкессии, хотя нередко к противоборству по линии карачаевцы – черкесы добавляется повышение национальной активности абазинцев и казаков. В целом по республике заявлены претензии на формирование пяти отдельных государств. Центральной идеей, овладевшей массовым сознанием нерусских народов Кавказа (как и тюркских народов в Центральной России), стала идея «национального суверенитета». Наибольшие усилия для реализации своего этноса как «суверенной нации» на Северном Кавказе прикладывают чеченцы, аварцы, ингуши, даргинцы, кабардинцы, карачаевцы.

Уверенное занятие этничностью статуса базовой ценности для многих российских народов (в том числе постепенно и для русского) неизбежно приводит к актуализации этнических неравенств. Как отмечал Р. Дарендорф, этническое неравенство присутствует в любом этническом пространстве, ибо этнические группы, точно так же, как и все прочие социальные группы, образуют определенную иерархию. Уже в самом этом обстоятельстве заложена потенция конфликта.

В массовом сознании народов активно утверждается направленность поиска границ своего этнического ареала. Так, русские отмечают, что этническое пространство русских превышает границы политического пространства России, включая в себя северо-восток Эстонии, большую часть Донецкой области Украины, северные территории Казахстана и ряд других регионов компактного проживания представителей этого народа. Точно так же, к примеру, этническое пространство лезгин практически пополам поделено политическими пространствами Российской Федерации и Азербайджанской Республики, а этническое пространство осетин – пространственными пределами России и Грузии. Именно вследствие этого невозможно говорить об абсолютном «наложении» политического пространства на этническое, что, в свою очередь, ведет к ощущению и осознанию складывающейся ситуации как вызова этносу, возникновению конфликтов сначала на уровне этнического сознания, а затем и переводу их в плоскость этнополитических отношений.

Этноцентристская направленность приводит к возникновению и активному внедрению в сознание ряда народов (на стадии возникновения и развития нации) идеи об исключительности и избранности своего народа. В итоге выстраивается такая иерархия стереотипов, когда к доминирующей дихотомии массового сознания нерусских народов – «мы – народ» отличаемся от «них – русских» – внезапно добавляется ощущение – «мы – особый народ» отличаемся от «них – обычных народов». Попытки предпринять затем действия по утверждению своего исключительного суверенного статуса среди других народов приводят к созданию этнополитической иерархии.

На постсоветском пространстве подобное направление этнополитического развития приводит к тому, что в национально-территориальных образованиях на фоне снижения статуса русского и других народов возрастает статус представителя титульного народа. Причем зачастую это происходит независимо ни от численного соотношения титульного народа и русского населения в том или ином субъекте Российской Федерации, ни даже от того, что русские являются титульным народом государства в целом. Таким образом, выстраивается новая этническая стратификация, особенно болезненно воспринимаемая в тех случаях, когда на более низкие ступени иерархии по этническому признаку попадает численное «национальное большинство».

Особенностью рубежа тысячелетий стало то, что вызов, брошенный русским Чечней и Татарстаном, ощутили как вызов представители десятков народов, сохраняющих себя в каче-

стве этносов. Не будучи пока готовыми сформулировать свои национальные идеи, многочисленные этнические группы оказались перед выбором: «Кого поддержать в возникшем национальном противостоянии?» Отметим, что пока эта проблема чаще решается в пользу русских: ни Чечня, ни Татарстан не стали консолидирующим стержнем для зарождения единого кавказского или тюркского суперэтносов. Русские, даже при отсутствии явного стремления и реальных действий по сохранению общероссийской консолидации, очевидно в силу присущей этносам обращенности к традициям и прошлому продолжают сохранять в полиэтническом сознании статус государствообразующей нации и в значительной мере аккумулировать вокруг себя растущую этничность других групп.

Еще одним маркером углубления этнических различий является конфессиональное различие населения. На Северном Кавказе республики с традиционным исповеданием ислама расположены географически компактно. Большая диаспора мусульман и географическая близость исламских государств стимулируют активизацию кавказской политики Турции, Ирана, арабских стран. Все это ведет к росту исламского фундаментализма и усилению настроений и идей о необходимости создания единого геополитического исламского коридора. Растущее влияние экстремистских ответвлений ислама стало главной угрозой стабильности не только в России, но и во всем мире. В современном обществе все фундаменталистские и радикальные течения в суннизме называют термином «ваххабизм». Однако сами кавказские последователи Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба протестуют против названия их «ваххабитами». Они предпочитают называть себя «общиной мусульман» (джама'ат ал-муслимин), «салафитами» (салафиюн) или «братьями» (это вообще распространенная форма обращения друг к другу в ваххабитских общинах на Кавказе). В то же время карачаевцы, например, называют их «къарасакъал» («чернобородые») за то, что они не бреют свои бороды.

Первым шагом усиления влияния так называемого «ваххабизма» не только на Кавказе, но и в Татарстане, Башкортостане, Ингушетии, Мордовии, других регионах, является «очищение местного ислама». По мнению ваххабитов, «традиционный российский ислам» далек от настоящего ислама. Сторонникам «чистого ислама» «традиционные мусульмане» кажутся чуть ли не язычниками. Более того, в современной ваххабитской литературе есть даже специальный термин, означающий «новое невежество» (по аналогии со «старым невежеством», имевшим место до прихода Пророка). Применительно к татарским мусульманам таким «новым невежеством» считаются: складывавшийся 1114 лет комплекс ежедневного ритуального богослужения; похоронный обряд; обряды, связанные с поминанием покойных (чтение Корана по усопшему, проведение обряда выкупа грехов покойного – «деур», раздача милостыни на кладбище); празднование Мавлида (дня рождения Пророка Мухаммеда); освещение историко-религиозных памятных мест, могил святых угодников, святых источников; все традиционные молитвословия. Ваххабиты утверждают, что эти обряды были неизвестны во времена Пророка и поэтому являются нововведениями, безосновательными и неприемлемыми для мусульман.

Однако наиболее непримиримо ваххабиты настроены против местного суфизма и связанного с ним культа святых. Почитание шейхов, зикры, посещение могил святых шейхов («зийарат») и многое другое из практики последователей местных тарикатов ваххабиты считают признаком их глубочайшего и осознанного заблуждения, многобожия («ширк») и неверия («куфр»). Неверными ваххабиты объявляют всех мусульман, которые не разделяют их точку зрения. Именно в деле борьбы с традиционными обрядами, вытеснения их из народной среды ваххабизм добился серьезных успехов не только на Кавказе, но и в Татарстане и других регионах. В то же время необходимо отметить тот факт, что именно этничность активно противостоит распространению ваххабизма на Кавказе и в других регионах России. Можно считать это частным проявлением и подтверждением теоретического вывода данной работы о разнонаправленности этнических и религиозных процессов в массовом сознании, о противостоянии этнического религиозному.

Успешному наполнению радикально-фундаменталистских идей элементами экстремизма способствовала также проводимая в Чечне военная операция, которая преподносилась идеологами сепаратистов как война «христианско-иудейской России» против мусульман Кавказа. Следует отметить тот факт, что влияние ваххабизма на Кавказе зачастую преувеличивается: к ваххабитам относили и тех, кто на самом деле таковым не являлся, а лишь использовал в своих целях экстремистскую интерпретацию ваххабитского учения.

Самым опасным является постулат ваххабизма о вооруженной борьбе. Джихад по-ваххабитски состоит из борьбы с внутренними врагами, т.е. с единоверцами, использующими ислам не «по-ваххабитски», и борьбы с иноверцами – прежде всего с христианами и иудеями, а также с неверующими и язычниками, причем борьба эта происходит не только в России, но и во всем мире.

Современные ваххабиты в Российской Федерации не представляют собой какого-то однородного движения. На сегодняшний день среди них оформились два основных течения – радикальное и умеренное. Радикалы требуют немедленного установления исламского правления на Северном Кавказе и повсеместного введения в мусульманских районах норм шариата. Умеренное же крыло справедливо указывает на то, что нормы шариата вводить не у кого, поскольку основная масса тех, кто считает себя мусульманами, сами плохо представляют себе основы собственного вероисповедания. Они считают, что сначала следует воспитать поколение мусульман, искренне стремящихся жить по шариату, а проблему установления исламского правления надо отложить на будущее, поскольку попытки введения шариата не имеют под собой реальной основы.

Таким образом, в сознании исламского населения на постсоветском пространстве получили развитие две ведущие разнонаправленные интенции: этническая – в форме «традиционного ислама», и религиозная – в форме «чистого ислама». Разнонаправленность этих интенций сначала приводит к различной самоидентификации и возникновению конфликта в сознании мусульман, а затем к напряженности, вызванной столкновением противоположных действий доминирующих исламских групп. Активизация этничности ведет к дальнейшему дроблению тюркских и кавказских народов, стремлению установить многочисленные межэтнические границы, обособиться друг от друга. Активизация же религиозности способствует преодолению межэтнических границ, объединению торкско-кавказских этнических групп в единый национально-государственный суперэтнос. Путь «чистой исламской религиозности», снимая межэтнические противоречия и стремясь максимально убрать внешние границы, фактически стал началом наступления на территориальные и исторические позиции славяно-православного и западно-христианского миров, что вызывает конфликт глобальных масштабов.

«Актуальные вопросы политической науки», Саратов, 2010, с. 66–82.

ИММИГРАЦИЯ В МОСКВУ: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Л. Бирчанская, политолог (ИБ РАН)

В 1990-е годы, после развала Советского Союза, в России начался процесс массового переселения людей из одних регионов в другие с более благоприятными условиями проживания. Осознав масштаб социальных перемен в России, которые несет ее современный экономический рост, значительное число выходцев из бывших советских республик с более низким уровнем жизни также решили сменить место жительства. Поток иммиграции в Россию достиг максимума в 1994 г. По мнению российских официальных лиц, сегодня в России работают от 1,5 до 15 млн. трудовых иммигрантов. Объем нелегальной иммиграции – 4–4,2 млн. человек. Специалисты считают эти цифры наиболее достоверными.

Как показывает практика, мигранты занимают те рабочие места, которые не пользуются спросом у российских граждан из-за низкого уровня оплаты и тяжелых условий труда. Даже те, кто получает пособие по безработице, отказываются от непрестижной работы. Однако экономика невозможна без людей, готовых чистить улицы, строить дороги, мыть палаты в больницах. Заметим, что даже при высоком уровне безработицы в странах – лидерах современного экономического роста, сохраняется острый дефицит рабочей силы в легкой промышленности, металлургии, здравоохранении, на транспорте, в ресторанном бизнесе. При этом, начиная с 2000 г. по сегодняшний день, такие страны, как Германия, Япония, Испания, Италия, Швеция, Греция, столкнулись с проблемой сокращения численности работающего населения. В России уже сейчас немало рабочих мест, на которые трудно, а то и невозможно привлечь собственную рабочую силу. Происходящее на московском рынке труда, особенно в строительном комплексе и на общественном транспорте, – наглядное тому подтверждение.

Для современной России привлечение неквалифицированной рабочей силы из-за рубежа – проблема не только новая, но и болезненная, на ней спекулируют недобросовестные политики, ее используют для разжигания ксенофобии населения, с ее помощью объясняются трудности и проблемы страны, в которой, дескать, виноваты чужаки. Можно с уверенностью сказать, что нынешний кризис фондового рынка, точнее его последствия – с нового года вырастут цены на продукты питания, лекарства, миллионы граждан России потеряют работу, – создадут для мигрантов еще более невыносимую ситуацию, если они и сгодятся на непрестижных работах, то в качестве соседей они не нужны. Такие чувства испытываются не только простыми людьми, но и на институциональном уровне. Не случайно понятие «трудящийся – мигрант», используемый в документах международно-правового характера, отсутствует в российском законодательстве. Даже такое понятие как «трудовая миграция» в законодательстве Российской Федерации не определяется. Между тем, если на протяжении следующих десятилетий удастся сократить традиционное отставание России от крупных стран Западной Европы (примерно на два поколения), число рабочих мест неизбежно возрастет. Это значит, что импорт иностранной рабочей силы станет еще важнее для дальнейшего развития экономики страны.

Среди субъектов Российской Федерации Москва и московская область выделяются масштабами привлечения иностранной рабочей силы. В 2006 г. в столице работало 35 % от числа всех трудовых мигрантов России. Это связано с освоением здесь наибольших объемов инвестиций в экономику региона. Предположительно до 90 % экономических мигрантов трудятся в Москве нелегально. Дело в том, что сложности, с которыми они сталкиваются, стремясь получить постоянное разрешение на работу и жительство, вынуждают их уходить в теневой сектор, не приносящий государству налоговых поступлений. Коррупционированные представители власти вымогают у них деньги.

В 2007 г. на долю 8 государств, поставляющих работников на российский рынок труда – а всего их было в этом году 27, – пришлось около 80 % мигрантов: Китай – 15,5 %, Украина – 12, Узбекистан – 17, Турция – 9, Таджикистан – 13, Киргизия – 5, Молдова – 5, Вьетнам – 5 %. Разумеется, значительная часть иммигрантов оседает в Москве. Остается добавить, что объем денежных переводов на родину оценивается в 5–7 % ВВП Армении, Грузии и Таджикистана, более 20 % ВВП Молдовы. Денежные переводы сопоставимы с годовыми бюджетами этих стран, а в ряде случаев – в Киргизии, Узбекистане и Таджикистане – превышают их.

Растущий спрос на неквалифицированную рабочую силу в России, с одной стороны, и массовая готовность бедных стран этот запрос удовлетворить, с другой, приводят к росту численности иммигрантов в составе российского населения. Процесс этот остановить невозможно, а административные барьеры на пути миграционных процессов малоэффективны. Дело в том, что взаимная поддержка внутри этнических сообществ, возможность въехать в страну в качестве туриста позволяют почти любые барьеры обойти. К тому же мигранты готовы терпеть любые лишения и унижения, лишь бы заработать деньги для себя и своей семьи. Их поток сильно поляризован, в его структуре представлены две крайние страты: «хозяева» и «пролетарии». Многочисленные факты свидетельствуют о существовании внутригрупповой и межгрупповой дискриминации и эксплуатации.

Большинство иммигрантов приезжают на временный заработок. Те же, кто мечтает осесть в Москве, окончательное решение принимают спустя 5–7 лет. Это характерно для миграционных процессов во всех принимающих сообществах Запада. Надо отметить, что мигранты, приехавшие в столицу с желанием остаться и перевезти сюда семью, обладают несравненно более высоким интеграционным потенциалом, чем их земляки, для которых Москва – место для заработка. Первые будут охотно причислять себя к москвичам. Азербайджанцы, например, переехавшие в российскую столицу навсегда, болезненно реагируют, когда их отождествляют с «лицами кавказской национальности». Заметим, что понятие «москвич» латентно прочно связано с понятием «русский», т.е. в Москве, как и в России в целом, превалируют не гражданские идентичности, а этнические. По крайней мере, на сегодняшний день. Отсюда и дитя новояза – «лицо кавказской национальности». Образ жизни временных трудовых мигрантов, т.е., наименее интегрированного иноэтнического сегмента, дает пищу для укоренения стереотипа «лица кавказской (азиатской) национальности», на самом деле образа агрессивного чужака. Не удивительно, что этот стереотип переносится на все группы, антропологически или культурно отличающиеся от основной массы городского населения, – сюда входят и российские автохтоны, и представители этнических диаспор, столетиями здесь проживающих.

Таким образом, азербайджанцы – мигранты последней послесоветской волны, желающие осесть в Москве, должны сознавать, что они прежде всего кавказцы. Это для них единственная ниша в городской социальной среде. Думается, эта реальность препятствует интеграции мигрантов в мегаполисе, притом именно тех, кто стремится стать «коренными жителями». Временные же трудовые мигранты не всегда считаются с «русской основой» Москвы и необходимостью «жить как все». Они видят бесперспективность когда-либо стать здесь своими.

Россия страна с низкой плотностью населения, в которой очевидны долгосрочные тенденции к сокращению рабочей силы и старению населения. По прогнозам специалистов, к 2050 г. ожидается заметное снижение доли России в населении планеты. В этом смысле ситуация в ней не будет отличаться от ситуаций в большинстве стран Западной Европы, население которых в нынешнем веке также сократится. Все дело в масштабе базовых проблем и необходимости перестраивать пенсионную систему. Когда же возрастная структура населения России резко изменится из-за быстрого роста доли старших возрастных групп, общество столкнется с необходимостью перестраивать пенсионные системы.

От того, какое число иммигрантов удастся включить в трудовую деятельность страны и социально адаптировать, будет зависеть устойчивость этих систем. Значительный приток легальных иммигрантов позволит ускорить экономический рост нашей страны. К тому же по сравнению с другими государствами, которые проводят эффективную иммиграционную политику, Россия обладает важным преимуществом: ее окружают страны, уровень которых намного ниже, чем в России, в них живут миллионы этнических русских и десятки миллионов, знающих русский язык и интегрированных в русскую культуру.

Несколько слов о проблеме, имеющей прямое отношение к теме данной статьи. Ясно, что эмигранты из России в других странах рассматриваются как иммигранты. В конце 2000 г. только в Финляндии было зарегистрировано 20,5 тыс. российских граждан. Сейчас, по словам директора Института проблем глобализации М. Делягина, к «тихой эмиграции» потенциально готова образованная и активная часть бедных, не имеющих нормальных доходов. В Москве очень высокие цены, во многих регионах цены приближаются к столичным. Из-за оттока людей могут оголиться многие сектора науки, промышленности, экономики. Их места займут мигранты из других стран.

Уникальность нынешней миграционной ситуации в России не только в ее масштабах. Около 7 % трудоспособного населения России составляют нелегальные трудовые мигранты. Это сопоставимо с долей легально занятых трудящихся мигрантов в Швеции (4,6 %) и Франции (6,2 %). Уникальность и в том, что мигранты не только обеспечивают до определенной степени Россию в целом и Москву в частности рабочей силой, они привнесли в российскую среду свой мир. Это иные культура, язык, образ и стиль жизни, манера поведения, иные представления о должном и допустимом. Большинство москвичей испытывают чувство настороженности и страха, для них миграционная ситуация это «нашествие» и «экспансия» инородцев. Поэтому, скажем, украинские гастарбайтеры, не выделяющиеся антропологически, живут во всех районах на периферии Москвы. И белорусов пропускают в районы с хорошей репутацией.

Азербайджанцы, грузины и армяне живут на самых удаленных окраинах города, по понятным причинам, очень компактно. В целом для мигрантов-кавказцев характерно контрастное расселение. Армян гораздо больше в Центре, особенно в районах, где выше доля представителей московской армянской общины. Менее обеспеченная часть граждан Армении снимает жилье в Чертаново, Текстильщиках, Кузьминках, в Люблино, Царицыно. Там же, на окраинах Москвы, на севере и юге особенно, живут мигранты из Средней Азии. Здесь сравнительно дешевое жилье, условия жизни в московских микрорайонах, прижатых к кольцевой автодороге, приблизительно одинаковы независимо от географического положения.

Вокруг иммиграции сложилось несколько мифов. Один из них: «иммиграция – мера временная». Как показали исследования, к ней так относились и сами иммигранты. Они выезжали в Россию, чтобы накопить денег и вернуться домой. Однако факты свидетельствуют, что это иллюзия. Вслед за кормильцем, уехавшим на заработки, обычно следует его семья для проживания на новом месте. Другая иллюзия: «иммигрантами становится мужская часть населения». Обратимся к миграции из Таджикистана, в ее структуре на долю женщин приходится около 15 %. Остановимся на этой проблеме, заметив попутно, что трудовая иммиграция из Средней Азии изучена слабо. Еще меньше изучена с позиции гендерного подхода.

В традиционной системе распределения гендерных ролей в среднеазиатской семье получением дохода занимаются только мужчины. Женщины выполняют репродуктивные функции, ведут домашнее хозяйство. Подобное распределение ролей было жестко закреплено на протяжении многих столетий, в том числе, нормами ислама. Постсоветский этап развития региона породил два разнонаправленных процесса. В сельской местности началось усиление традиционализма, в регионе в целом, переживавшем масштабные социальные и экономические процессы, начался массовый отток трудового мужского населения на заработки в чужую страну. К нему присоединились таджикские женщины. Разумеется, для Средней Азии такое явление

непривычно, но закономерно для развития миграционных процессов в мире на рубеже XX–XXI вв. – феминизация потоков уже с 1990 г. становится характерной чертой новейшего этапа трудовой миграции.

Что представляют собой таджикские мигрантки, вынужденные зарабатывать на жизнь в Москве? Это, как правило, замужние женщины после 40, семьи которых, в том числе мужа, остаются дома на родине. Среди них встречаются вдовы, у некоторых мужа либо тяжело больны, либо зарабатывают в переводе на рубли не больше тысячи. Образование – среднее школьное, реже – среднее специальное. Встречаются учительницы младших классов, медсестры. Разговорным русским владеют плохо – даже при советской власти большинство таджичек не выезжало из кишлаков. Поскольку трудовая миграция в Таджикистане очень распространена, женщины направляются в те места, где уже работают их земляки, т.е. делают то, что принято во всем мире, – используют для трудоустройства не диаспору, а неформальные иммиграционные сети. Разумеется, это сопряжено с риском.

Деньги на дорогу берутся в долг. По приезде в Москву торгуют на рынке. Зарботки здесь очень низкие. Работая каждый день без выходных, продавщица лимонов получает в месяц в среднем около 100 долл. «Карьеру» таджичка (как и узбечка) в Москве не сделает, поскольку их поле деятельности здесь очень ограниченное. Их земляки-мигранты трудятся подсобными рабочими и грузчиками на рынке, работают на тяжелых стройках, дворниками. Устраиваются работниками предприятий питания, становятся владельцами торговых точек по продаже сухофруктов. Некоторые находят место в бизнесе и криминальных структурах (входящих в систему наркоторговли). Женщинам же таджичкам разрешено только торговать продуктами питания и горячими напитками вразнос на рынках. Или собственной выпечкой на тех же рынках. Правда, в провинции другая ситуация. Встречаются мигрантки, в основном с длительным сроком пребывания в России, которые арендуют мелкие торговые точки и даже сумевшие устроиться в бизнес-структуры. В Москве такое невозможно: традиционализм таджикского общества определяет иерархию занятости на рынках. Так, если таджичка не является членом семьи, мужчины которой вписаны в структуру рынка, она не может подняться выше положения продавщицы. Тем не менее есть основания считать, что масштабы женской иммиграции из Средней Азии будут увеличиваться. Сложная экономическая ситуация в этих странах, рост безработицы и пауперизация населения заставляют их граждан не принимать в расчет традиционные факторы. И вот скромный результат – деньги из России, заработанные трудовыми мигрантами, меняют постепенно облик таджикского села. Там, на разбитой дороге, встречаются белые лимузины. Люди стали обустраивать свои дома и ремонтировать на общие деньги разваливающуюся инфраструктуру.

Потенциал миграции в Россию из государств СНГ оценивается при формировании миграционной политики в 7–8 млн. человек. На ближайшее десятилетие этого будет достаточно, но со временем, по мнению специалистов, придется вырабатывать политику привлечения трудовых иммигрантов из государств за пределами СНГ.

Открытие каналов легальной трудовой иммиграции, обеспечивающей право вновь приехавшим законно жить и работать в России, пользоваться социальными благами, а по прошествии ряда лет получить российское гражданство, важно, как уже говорилось, для перспектив развития России. Что же касается государственной идеологии, то открытость российского общества, способность к интеграции нерусских элементов веками были спецификой российских традиций, позволяющих включить неславянские народы в структуру этого общества. Именно такое сообщество, в котором иммигранты будут интегрированы в его структуру объединенных русским языком и русской культурой, предоставит России нового века дополнительные возможности, которые она успешно использует.

«Восток: Вызовы XXI века», М., 2010, с. 247–256.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЬЕ В ИНГУШЕТИИ

Сергей Слуцкий, политолог

Ингушское террористическое подполье (ТП) окончательно сформировалось в начале XXI в. Несмотря на то что 90-е годы XX в. были для Ингушетии временем серьезных испытаний, терроризм в формах, характерных для современного Северного Кавказа, в пределах самой республики в это время практически отсутствовал, притом что дестабилизирующее влияние сопредельной сепаратистской Чечни – мощного очага напряженности, должны были ощущать все основные сферы социальной жизни Ингушетии! На начало 90-х годов пришелся и пик осетино-ингушского противостояния – центрального конфликта, в значительной степени структурировавшего общественно-политическую жизнь Ингушской республики и определившего основные зоны концентрации конфликтогенного потенциала.

Таким образом, первое постсоветское десятилетие можно было бы условно обозначить как «пронатальный» период в развитии республиканского подполья, как и в отношении подполья Дагестана. Однако наличие жесткого территориального конфликта с Северной Осетией – Аланией предопределило существенную специфику ингушского варианта становления террористического комплекса. Значительно отличается и ситуация в социально-экономической сфере обеих республик.

Экономический потенциал Ингушетии изначально был весьма незначительным. В составе советской Чечено-Ингушетии (не относившейся к регионам – флагманам отечественной экономики) «ингушские» районы представляли аграрную периферию. К тому же экономический кризис 90-х в новообразованной республике был серьезно усилен тем, что производственные структуры, расположенные в ингушских районах Чечено-Ингушетии, после ее разделения и быстрой «сепаратизации» Чечни оказались фрагментами рухнувшего республиканского индустриального комплекса. Как результат, падение промышленного производства в республике приняло катастрофические масштабы – в 1998 г. оно составило 14 % от уровня 1990 г. (максимальный показатель для регионов РФ за исключением Чечни).

Но экономическая «специфика» Ингушетии заключалась даже не в этом (сокращение производства в других республиках макрорегиона тоже весьма впечатляло). Существенней то, что и в начале XXI в., после «замирения» Ичкерии, на фоне общей для РФ и Северного Кавказа политической и социально-экономической стабилизации устойчивый рост экономики (в том числе ее индустриального сектора) в Ингушетии не возобновился. В 2009 г. объем промышленного производства составил 48 % от уровня 2000 г. (в 2008 г. равнялся 84 %). Не лучше положение и в республиканском сельском хозяйстве, в котором почти отсутствует крупнотоварное производство. Детальное изучение проблем экономического развития Ингушетии выходит за рамки нашего исследования. Но для нас существенно установить, насколько хроническая стагнация местной экономики порождает протестность республиканского населения, способную трансформироваться в террористическую активность.

Двумя спутниками социально-экономического кризиса являются высокая безработица и снижение уровня жизни населения. Что касается безработицы, то Ингушетия наряду с Чечней по этому показателю является абсолютным «рекордсменом» РФ (уровень в 45–65 % в Ингушетии фиксируется на протяжении всего последнего десятилетия). Беспрецедентно высокий показатель, который для общества с современной производительной экономикой свидетельствовал бы о катастрофическом состоянии, несовместимым с сохранением основных социальных институтов, поскольку был бы связан с массовым глубоким обнищанием населения. Сохранение же данного уровня на протяжении многих лет – показатель того, что местное обще-

ство вполне адаптировано к своей крайней трудоизбыточности. А значительную часть безработных в той или иной мере устраивает подобное положение вещей.

Одна из причин такого положения – система разнообразного социального финансирования республиканского населения (пенсии, разнообразные пособия, дотации). Это и максимально высокий уровень дотационности республики, 95 % бюджета которой формируется за счет денег, перечисленных федеральным центром. Причем если в отношении сопредельной Чечни, по крайней мере, имеются объективные причины (две разрушительные военные кампании) для значительной поддержки социально-экономической сферы республики федеральными деньгами, то в случае с Ингушетией такое основание отсутствует.

Наличие стабильного федерального финансирования – основная причина того, что долговременная экономическая стагнация и высочайшая безработица не сопровождаются резким падением уровня жизни и обнищанием населения республики. Доходы последнего действительно заметно уступают аналогичным среднестатистическим показателям по другим республикам Северного Кавказа. Однако же они не падают и не стоят на месте, как это могло быть без стабильной «внешней» финансовой поддержки. Динамика доходов населения республики демонстрирует устойчивый рост. За 2005–2009 гг. они выросли в 2,3 раза (как и во всех остальных республиках Северного Кавказа за исключением Дагестана, в котором доходы населения выросли в 2,8 раза). А за период 2000–2009 гг. среднестатистический рост доходов в Ингушетии был почти 10-кратным (с 0,6 до 5,8 тыс. руб.). Таким образом, демонстрируя минимальные успехи в экономической сфере и уступая в этом отношении остальным республикам, Ингушетия не отстает от них по темпам роста материального уровня жизни. Говорить об «обнищании» населения не приходится.

Иными словами, серьезных причин для роста «социально-экономической» протестности в Ингушетии нет. Связки между экономической динамикой и ростом доходов населения в республике просто не существует. Можно десятилетие не выходя из состояния экономической стагнации стабильно повышать уровень материального благосостояния. Не исключено, что для значительной части населения протестность скорее могла бы провоцироваться необходимостью отказаться от сложившегося способа существования.

Итак, область подпитки республиканского подполья в незначительной степени формируется экономической проблематикой республиканской жизни.

Одна из основных причин роста протестного потенциала в республике – низкое качество местной власти с типичным для Северного Кавказа (отчасти и всей РФ) набором «пороков», среди которых высокая коррупционность, плановость, непрофессионализм. Сравнительный анализ «морально-профессиональных» качеств местной бюрократии и чиновничества других республик занятие весьма сложное. Не исключено, что ингушский административный аппарат по данным показателям среди аутсайдеров на Северном Кавказе. Однако же все присущие ему недостатки фиксировались с начала постсоветского периода.

На вопрос о том, существенно ли ухудшились показатели эффективности республиканской бюрократии в последние годы, скорее следует дать отрицательный ответ. Недостатки местной власти не обнаруживают отчетливо негативной динамики, способной спровоцировать рост социальной протестности в республиканском обществе. Конечно, как и в случае с Дагестаном, необходимо учитывать фактор общественного «терпения» – с течением времени даже устоявшийся уровень «порочности» воспринимается обществом с нарастающим раздражением. И тем не менее очевидно, что протестность, аккумулируемая по данному каналу, может быть значимым, но не единственным среди ведущих факторов активизации террористической активности в республике.

Конфессиональный фактор. Исламизация Ингушетии завершилась только к середине XIX в. Постсоветский период в республике (как и на остальном Северном Кавказе) был связан с «ренессансом» ислама: быстрый рост числа активных верующих; многократное увели-

чение количества мечетей и молельных домов; открытие духовных учебных заведений (в том числе на средства зарубежных исламских спонсоров); появление религиозного радикализма. Однако несмотря на сопредельность Ичкерии – одного из основных плацдармов ваххабизма на Северном Кавказе, чистый ислам в 90-е годы не получает значительного развития в пределах Ингушетии (притом что попытки вербовки молодежи по линии «ваххабизма» были отмечены уже в первую чеченскую кампанию).

Идеологическое «облучение» ингушского национального сообщества с территории Чечни было продолжено во второй половине 90-х годов. И первые меры противодействия ваххабизму были инициированы не федеральным центром, но обеспокоенными ситуацией республиканской властью и местным традиционным духовенством. Летом 1998 г. их совместным решением функционирование ваххабитских организаций на территории республики запрещается. Как мы знаем, такого рода постановления далеко не всегда были в состоянии на практике остановить распространение чистого ислама. Но в Ингушетии данный указ на рубеже веков действительно «сработал». Впрочем, очевидно, что это не столько заслуга республиканской власти или показатель ее авторитета, но прежде всего свидетельство устойчивой ориентации местного населения на традиционный ислам, суфийские ценности и практику, которые ваххабиты подвергали жесткой критике. Свою роль мог играть и постоянный отток местных религиозных радикалов в сопредельную Чечню.

Ситуация определенным образом начинает меняться в начале XXI в. Исламский радикализм становится в республике идеологической оболочкой для разнообразной протестности, корни которой уходят в самые различные формы социальной жизнедеятельности. Сокращается (прекращается?) отток радикалов в Чечню. С определенного момента речь скорее может идти об обратной миграции (причем не только ингушей, но и чеченцев).

Однако показательно, что еще в 2005 г., детально фиксируя размеры ваххабитских сообществ отдельных республик Северного Кавказа, К.М. Ханбабаев (известный специалист по вопросам религии) «пропускает» Ингушетию и Адыгею, ограничиваясь констатацией того факта, что сторонники чистого ислама в этих республиках есть и они достаточно активны. Можно предположить, что проблема в том, что ингушское ваххабитское сообщество достаточно плотно интегрировано с чеченским и анализировать его собственные количественные характеристики затруднительно.

Сфера межнациональных отношений и осетино-ингушский конфликт. Непосредственно в пределах республики причины для межнациональной конфликтности с начала постсоветского периода были минимальны – уже по переписи 1989 г. в структуре населения ингушских районов Чечено-Ингушетии ингуши ощутимо доминировали (76,6 %), а вместе с чеченцами составляли 86 % жителей данных территорий. Таким образом, самая значительная часть русского и русскоязычного населения Чечено-Ингушетии проживала в ее чеченской части (прежде всего в Грозном). Если в ингушской части «невайнахи» составляли только 14 % (из них «нерусские невайнахи» только 1,8 %), то в чеченской части данные группы оставляли соответственно – 32,2 и 7 %.

Социальные процессы начала 90-х годов работали на дальнейшую моноэтнизацию районов, составивших Ингушскую республику. Русское население убывало стремительно, при этом практически не демонстрируя протестности, которая могла бы стать причиной формирования конфликтной оси между ним и титульным сообществом республики. Уже к середине 90-х годов Ингушетия потеряла основную массу своих русских и русскоязычных жителей. Если бы не масштабный приток чеченских беженцев во время военных кампаний, республика по переписи 2002 г. могла бы оказаться наиболее этнически гомогенным регионом РФ. Согласно данным этой переписи, ингуши составляли 77,3 % республиканского населения, а вместе с чеченцами – 97,7 %.

После постепенного возвращения в Чечню основной части беженцев (2002–2007) доля титульного населения Ингушетии должна была существенно возрасти. Впрочем, процент «невай-нахского» населения в республике в любом случае уже полтора десятилетия минимален и без учета федеральных силовиков может в настоящее время составлять всего 1,5–2 %. Абсолютно очевидно, что моноэтничность республики сохранится и в самой долгосрочной перспективе. Практически невозможно себе представить сценарий развития, при котором Ингушетия стала бы территорией миграционного притока нетитульного (и шире – не вайнахского) населения. Иными словами, принятая в 2005 г. к реализации программа возвращения в республику русского населения является абсолютной бюрократической утопией даже в ее утвержденном – крайне «скромном» варианте (предполагалось вернуть за период 2005–2010 гг. около тысячи человек, притом что в 90-е годы республику покинули порядка 17 тыс. русских).

И все же именно сфера межнациональных отношений стала едва ли не основным «резервуаром» концентрации конфликтного потенциала, сыгравшим значительную роль в становлении республиканского ТП. Центральный (осетино-ингушский) конфликт постсоветской Ингушетии носил и носит не только межреспубликанский характер, но имеет и отчетливую межнациональную компоненту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.